

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ
ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Вернер Зомбарт
Избранные работы

«Территория будущего»

Зомбарт В.

Избранные работы / В. Зомбарт — «Территория будущего»,

Вернер Зомбарт принадлежит к основоположникам современной социологии, хотя на протяжении всей своей академической карьеры он был профессором экономики, а его труды сегодня привлекают прежде всего историков. Все основатели современной социологии были знатоками и философии, и права, и экономики, и истории – они создавали новую дисциплину именно потому, что подходы уже существующих наук к социальной реальности казались им недостаточными и односторонними. Сама действительность не делится по факультетам, о чем иной раз забывают их наследники, избравшие узкую специализацию. Многообразие интересов Зомбарта удивительно даже на фоне таких его немецких современников, как М. Вебер, Г. Зиммель или Ф. Тённис, но эта широта иной раз препятствовала Зомбарту в разработке собственной теории. Он был в первую очередь историком, а принадлежность к этому цеху мешает выработке всеобъемлющей социологической доктрины – эмпирический материал историка не вмещается в неизбежно схематичную социологическую теорию, препятствует выработке универсальной методологии, пригодной для всякого общества любой эпохи. Однако достоинства такой позиции оборачиваются недостатками в обосновании собственных исторических исследований; поздние труды Зомбарта по социологической и экономической методологии остались явно несовершенными набросками, уступающими его трудам по истории капитализма.

© Зомбарт В.
© Территория будущего

Содержание

Предисловие	6
Строй хозяйственной жизни	16
Предисловие	16
Введение	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вернер Зомбарт

Избранные работы

Предисловие

Вернер Зомбарт принадлежит к основоположникам современной социологии, хотя на протяжении всей своей академической карьеры он был профессором экономики, а его труды сегодня привлекают прежде всего историков. Все основатели современной социологии были знатоками и философии, и права, и экономики, и истории – они создавали новую дисциплину именно потому, что подходы уже существующих наук к социальной реальности казались им недостаточными и односторонними. Сама действительность не делится по факультетам, о чем иной раз забывают их наследники, избравшие узкую специализацию. Многообразие интересов Зомбарта удивительно даже на фоне таких его немецких современников, как М. Вебер, Г. Зиммель или Ф. Тённис, но эта широта иной раз препятствовала Зомбарту в разработке собственной теории. Он был в первую очередь историком, а принадлежность к этому цеху мешает выработке всеобъемлющей социологической доктрины – эмпирический материал историка не вмещается в неизбежно схематичную социологическую теорию, препятствует выработке универсальной методологии, пригодной для всякого общества любой эпохи. Однако достоинства такой позиции оборачиваются недостатками в обосновании собственных исторических исследований; поздние труды Зомбарта по социологической и экономической методологии остались явно несовершенными набросками, уступающими его трудам по истории капитализма.

Одна из немногих серьезных статей о творчестве Зомбарта¹ начинается с вопроса о причинах забвения Зомбарта его коллегами-социологами. На протяжении первой половины XX в. Зомбарт считался наиболее известным немецким социологом, его творчество вызывало непрерывные споры. Если бы в 1910 или 1930 г. немецким обществоведам был задан вопрос: «Кого вы считаете немецким социологом номер один?», то подавляющее большинство назвало бы не Вебера, не Тённиса, не Зиммеля, а именно Зомбарта. Вместе с Вебером он основал первый немецкий социологический журнал, долгое время был президентом немецкого социологического общества. Но небольшая работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» известна сегодня даже за пределами научного сообщества, тогда как написанные на ту же тему (происхождение капитализма) труды Зомбарта, в которых развивается альтернативная веберовской точка зрения, мало кто читает. В США из всех его трудов ссылаются только на очерк «Почему в Соединенных Штатах нет социализма?», но и в Германии его книги почти не переиздаются, несмотря на то, что Зомбарт был чрезвычайно ярким автором, писавшим не для «гелертеров», но для широкой образованной публики. Причины этого забвения прежде всего политические – мы еще вернемся к настоящей кампании по дискредитации Зомбарта как «попутчика нацизма». Но сходная по духу кампания велась и ведется по отношению к Хайдеггеру, Шмитту, Юнгеру, что не мешало их широкой известности в послевоенной Германии (и за ее пределами).

На более глубокую причину указал Н. Элиас², который сам столкнулся с длительным неприятием его историко-социологических исследований, написанных не без влияния Зомбарта. После Второй мировой войны европейская социология оказалась под огромным воздействием американских концепций: даже труды таких классиков, как Вебер и Дюркгейм, стали читать «на манер Т. Парсонса». Если все европейские основоположники социологии рас-

¹ Grundmann R, Stehr N. Why is Werner Sombart Not a Part of the Core of Classical Sociology? L.: Sage, 2001. Vol. 1 (2).

² См. его предисловие к Элиас Н. О процессе цивилизации. М. – СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1.

смаатривали долговременные общественные процессы, то в социологии 1950-1960-х гг. господствовала «статика», а сами социологи осваивали прежде всего методы эмпирических исследований. В ФРГ на смену такому узкому позитивизму в 1970-е гг. пришла волна неомарксизма – достаточно вспомнить, как бичевали за прошлое даже таких социологов, как Х. Шельски, чтобы понять неуместность Зомбарта в подобном идеологическом контексте. Правда, его внимательно читали во Франции: основатели исторической школы «Анналов» (как Февр, так и Бродель) считали Зомбарта одним из немногих социологов, представляющих интерес для историков. Иногда на него ссылаются и ученые, работающие в области «социологии хозяйства» (*Wirtschaftssoziologie*, которую сегодня мы чаще называем «экономической социологией»), поскольку эта дисциплина просто была основана Зомбартом – включенную в этот том работу «Строй хозяйственной жизни» можно считать одним из первых учебников по экономической социологии. Но в целом интеллектуальный контекст второй половины недавно завершившегося столетия был настолько отличным от начала этого века, что воззрения Зомбарта считались совершенно устаревшими. Он принадлежал к той «исторической школе» в экономической науке, которая по сути своей противостоит тому, что стало называться в ней *mainstream* (т. е. «неоклассике», затем «монетаризму»); уже используемые им термины, вроде «капиталистического духа», вызывали раздражение у тех, кто ничуть не возражает против употребления таких слов, как «ментальность», «эпистема» или «парадигма». Недостатки собственных теоретических разработок Зомбарта (его «ноологическая социология») и даже нападки за политические «прегрешения» играют куда меньшую роль в забвении Зомбарта, чем изменение самого языка социальных наук, непрерывное мелькание на экранах все новых «гуру». Немаловажным является и то обстоятельство, что Зомбарт явно ошибался в своих прогнозах развития «позднего капитализма»³.

Вошедшие в данный сборник произведения Зомбарта принадлежат разным этапам его творчества, посвящены различным темам и выходили в России в не самых удачных переводах либо до 1917 г., либо сразу после революции, когда идеологический контроль над публикациями еще не стал всеобъемлющим, а сами большевики помнили о том, как в эмиграции они учились экономике по популярным книгам Зомбарта. В дальнейшем его по понятным причинам не издавали вплоть до конца коммунистического режима: Зомбарт стал для правящей идеократии чуть ли не образцом того «рenegатства», которого следует ожидать от всякого «буржуазного» ученого, начинавшего с позитивного сотрудничества с марксистами, но затем «изменившего» великому учению. В последние годы многие его работы были переизданы, а несколько сочинений впервые переведены на русский язык. Публикуемые ниже работы неплохо дополняют вышедший в издательстве «Владимир Даль» трехтомник избранных произведений Зомбарта, поскольку в последний вошли исключительно труды Зомбарта по предыстории и истории капитализма, тогда как в данный том входят также произведения, характеризующие Зомбарта как публициста и социолога.

Несколько слов нужно сказать о жизни Зомбарта и его научной карьере. Он родился в 1863 г. в семье предпринимателя и либерального политика, в 1882–1885 гг. учился в Пизе, Берлине и Риме, изучая, наряду с экономикой, право, историю и философию. Учителями в области экономики были виднейшие представители «исторической школы», Г. Шмоллер и А. Вагнер. В 1888 г. Зомбарт защитил диссертацию о хозяйстве римской Кампании под руководством Шмоллера. Часть текста диссертации стала первой книгой Зомбарта, которая привлекла к себе внимание специалистов. Социалистическим учением он заинтересовался еще в юности, хотя в то время поводом для этого интереса служили, скорее, романы Золя, чем «Капитал» Маркса. Но достаточно скоро Зомбарт становится одним из самых известных интерпретаторов Маркса и своего рода «попутчиком» социал-демократов. Следует заметить, что в то время

³ Этот термин был введен Зомбартом, а затем подхвачен представителями Франкфуртской школы.

подобные симпатии были безусловно пагубны для научной карьеры – социалисты считались «внутренним врагом» не только двором кайзера или прусскими юнкерами из Генштаба, но и всей либеральной «общественностью». Чтобы получить место профессора в Берлине следовало написать хоть что-то разоблачительное про Маркса, а не заниматься его толкованием, будь оно даже самым неортодоксальным с точки зрения самих социал-демократов. Материальная независимость – полученное от отца немалое наследство, высокие гонорары за многочисленные книги – позволяла Зомбарту не обращать внимания на коллег по цеху, являвшихся эпигонами даже не «австрийской школы», а Сэя. Однако отсутствие связей с научным сообществом в дальнейшем сказывалось на трудах Зомбарта; мимо его внимания прошли изменения в экономической теории, которая все более математизировалась⁴. Изучение «Капитала» не привело Зомбарта к отказу от основных тезисов «исторической школы», унаследовавшей от немецкого романтизма негативное отношение к абстрактным теориям, готовым объяснять любое общество. Хотя Зомбарт был, кажется, первым ученым, предсказавшим появление азиатских «драконов», он считал капиталистическую экономику плодом исключительно европейской истории, причем сравнительно короткого ее этапа, который может быстро закончиться.

Широкую известность Зомбарту принесли две работы: «Социализм и социальное движение в XIX столетии» (1896) и «Современный капитализм» (1902); считается даже, что именно благодаря Зомбарту термин «капитализм» получил распространение в научном сообществе, т. е. за пределами пропагандистской литературы II Интернационала. Получив степень доктора, Зомбарт проработал пару лет в Бременской торговой палате, затем начал преподавать в Бреслау. Уже имевшаяся репутация «красного» воспрепятствовала ему в получении поста в более престижных университетах Фрайбурга, Гейдельберга и Карлсруэ. В последнем случае пришлось лично вмешаться даже баденскому эрцгерцогу, воспретившему прием Зомбарта в университет. Когда в 1906 г. Зомбарт стал преподавать в Берлинской Высшей коммерческой школе, всполошились коллеги, добившиеся формального запрета на ведение Зомбартом любых занятий в университете. В этот период позиции Зомбарта были близки тому, что именовалось «катедер-социализмом» в Германии (или «легальным марксизмом» в России). По книге «Социализм и социальное движение в XIX столетии» с марксизмом стала знакомиться образованная публика за пределами социал-демократической партии. Хотя в эту партию Зомбарт никогда не вступал, в те годы он печатался в социал-демократических изданиях и считался почти «своим» (известна высокая оценка Зомбарта Энгельсом).

К этому первому этапу творчества Зомбарта относится работа «Идеалы социальной политики». Уже в ней отчетливо просматриваются не только симпатии к рабочему движению и социал-демократии, но и некоторые особенности позиции Зомбарта, отличающие его от «катедер-социализма». В последнем решении «рабочего вопроса» связывалось прежде всего с этикой («этический социализм»), которой обуславливалось вмешательство государства в рыночные отношения. Тогдашние «катедер-социалисты» уже намечали контуры «социального государства», берущего на себя прежде всего перераспределение доходов, да и практика Бисмарка подсказывала направление развития. Как пишет современный наследник «катедер-социализма» Ю. Хабермас: «Социальная политика в широком смысле простирается от политики рынка рабочей силы и молодежной политики – через политику здравоохранения, семейную и образовательную политику до охраны природы и городского планирования, а в широком смысле – на весь диапазон государственных организаций и сферы услуг, производящих блага для коллектива и обеспечивающих те социальные, естественные и культурные условия жизни, которые защищают от распада городскую среду, это публичное пространство

⁴ Характерна в этом смысле оценка Зомбарта создателем так называемого ордолиберализма В. Ойкенем, который прямо называет Зомбарта «дилетантом» в экономике, хотя и ценит его как историка народного хозяйства. См.: *Ойкен В.* Структурные изменения государства // Теории хозяйственного порядка. «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. М.: Экономика, 2002. С. 31–32.

цивилизованного общества. Многим инфраструктурам публичной и частной жизни будут грозить распад, разрушение и безнадзорность, если их регулировать через рынок»⁵. Для Зомбарта любая социальная политика является выражением воли правящего класса, и правительство, которое желало бы «стоять выше партий», неизбежно будет «сидеть между двумя стульями», оно оказывается слабым и дряхлым правительством. «История учит нас, что все юношески сильные, бодрые правительства проводили отчетливо выраженную классовую политику, а именно энергически представляли интересы экономически прогрессивного для каждого данного времени класса». Таковым на протяжении полутора столетий была буржуазия, теперь ей бросает вызов пролетариат. Если вся политика сводится к желанию перераспределять богатства, то все меньшее число людей станет производить. Зомбарт прославляет «производительность», имея в виду не только и не столько получение большей прибыли при меньших затратах, сколько «жизненность», способность творить, осваивать и подчинять себе действительность. Здесь хорошо видны элементы немецкой «философии жизни», прежде всего – философии Ницше. Симпатии к рабочему движению в то время связаны у него не с требованиями перераспределять во имя равенства. В рабочем Зомбарт видит прежде всего мастера-творца, овладевающего миром с помощью техники; этот класс идет на смену сходящему со сцены истории буржуа, который в конце XIX в. все чаще предстал как рантье. Такого рода «левое нищестанство» в начале XX в. было свойственно немалому числу не только писателей (вспомним хотя бы драматургов – «Врага народа» Ибсена, «Мещан» Горького, пьесы Шоу и т. п.), но и некоторых литераторов-революционеров, вроде Луначарского. У «антибуржуазных» писаний идеологов «мая 68 года», французских нищестанцев, вроде Фуко и Делеза, имелось немалое число предшественников. Позднейший разрыв Зомбарта с социал-демократами в немалой степени обусловлен его разочарованием в творческих потенциях пролетариата как такового и неприязнью к его вождям, которые в условиях Веймарской республики на деле показали, к чему были направлены все их усилия: войти в буржуазную элиту, занять места в «говорильне»-парламенте и не без выгоды для себя перераспределять, кормя все растущий бюрократический аппарат.

Наиболее плодотворным был следующий период деятельности Зомбарта, последовавший за выходом трехтомного исследования «Современный капитализм». Именно в это время возникает немецкая социология – начальным моментом можно считать появление журнала «Архив социальной науки и социальной политики», издаваемого Вебером и Зомбартом. Собственно говоря, такие труды Зомбарта, как «Народное хозяйство Германии 19 века», «Евреи и хозяйственная жизнь» (вошедшая в данный том статья представляет собой первый набросок на эту тему), «Буржуа», «Война и капитализм», «Любовь, роскошь и капитализм» решают одну и ту же проблему возникновения капитализма. Зомбарт спорит прежде всего с Марксом и Вебером. Если вспомнить вошедший в первый том «Капитала» очерк развития капитализма, то в нем мы обнаруживаем картину обезземеливания крестьян, работных домов и драконовских законов против бродяжничества, появления первой «резервной армии труда», т. е. тех, кто был готов продавать свою рабочую силу по сколь угодно низкой цене. Хорошо известна и работа Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», в которой главным источником (Вебер вовсе не отрицал иные) формирования буржуазии оказалось изменение экономического поведения под влиянием Реформации.

Зомбарт никогда не был марксистом в полном смысле этого слова, поскольку не принимал ни гегелевскую диалектику, ни учение о «базисе и надстройке». Как и Вебер, он считал, что относимые марксистами к «базису» отношения собственности не могли появиться без изменений «духа», понимаемого, конечно, не на манер Гегеля, но как совокупность сознательных и бессознательных установок, идеалов, ценностей и т. п. Уже в первом издании «Современного капитализма» появляется оппозиция «капиталистического духа» и «сеньориального

⁵ Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 294.

духа», тогда как во всех изданиях после 1916 г. основное внимание будет уделяться именно «духу» («надстройке» в марксистских терминах). В этом смысле Зомбарт был вполне солидарен с Вебером, но оппонировал ему там, где речь шла о самом процессе возникновения капитализма⁶. По существу, каждая его работа этого периода показывала, что протестантская этика («мирская аскеза») была лишь одним из многих факторов появления нового типа личности и соответствующих этому типу хозяйственных отношений. Первые мануфактуры создавались не трудолюбивыми кальвинистами, но авантюристами всех мастей, пользовавшимися заказами армии и двора; ростовщики-евреи, пираты, грабившие испанские галеоны, могут ничуть не меньше протестантов считаться «создателями капитализма». Если вообще употреблять понятие «причина» в этом контексте, то видение Зомбарта отличалось от трактовок хоть Маркса, хоть Вебера именно тем, что он отвергал какую-либо монокаузальную зависимость. Демографические изменения, географические открытия, войны, сопровождавшие генезис национальных государств, Ренессанс и Реформация – все они сыграли свою роль в том, что средневековый порядок стал рушиться, а вследствие этого появилось огромное число маргиналов, «новых людей», не связанных ни гильдиями, ни цехами, ни сословными запретами. Капитализм появился на обочине прежнего порядка и сумел победить, поскольку носители «капиталистического духа» были наделены огромной витальностью.

Самое общее определение «духа капитализма» у Зомбарта не случайно формулируется как «творческое разрушение» (быть может, под влиянием Бакунина, писавшего, что «страсть к разрушению также есть творческая страсть»). В дальнейшем И. Шумпетер заимствовал эту мысль Зомбарта, но назвал сущность капиталистического предпринимательства «инновацией». Потомки всех этих «творчески разрушающих» маргиналов победили предшествующие элиты посредством как политических революций, так и более высокой производительности труда, они за считанные десятилетия буквально преобразили Европу – сам Зомбарт в юности был свидетелем эпохи «грюндерства» в Германии (одним из таких «грюндеров» был и его отец). На смену авантюристам и маргиналам пришли рациональные игроки, использовавшие все новые технические открытия и способствовавшие развитию науки. Однако эта эпоха завершается – внуки «грюндеров» становятся либо рантье, либо напоминающими бюрократов управленцами; сам «дух капитализма» исчезает вместе с теми, кто вел непрерывную борьбу и был готов рисковать всем, чтобы сделаться «стальным бароном» или «угольным королем».

Примерно с 1910 г. Зомбарт переходит на позиции немецкого национализма: борьба за рынки сбыта, колонии, строительство мощного флота и т. д. одобряются им в том числе и потому, что немецкий рабочий повышает свой жизненный уровень за счет господства Германии на мировых рынках. Во время войны этот национализм делается интегральным. Вышедшая в 1915 г. книга «Герои и торгаши» мало чем отличается от сочинений целого ряда других европейских мыслителей, занявшихся патриотической пропагандой – достаточно вспомнить, что писали английские и французские интеллектуалы о философии Фихте и Гегеля (как основе пока что не «тоталитаризма», а всего лишь «прусского милитаризма») или наш соотечественник Эрн о «Канте и Круппе». Эта книга Зомбарта в своих нападках на англичан не так уж сильно отличается от «Гения войны» М. Шелера или «Размышлений аполитичного» Т. Манна. Однако в ней впервые формулируются те тезисы Зомбарта, которые в дальнейшем (уже без воинственной риторики) будут определять его подход к общественным наукам. Англичане – не просто «торгаши», даже философские и научные теории, доминирующие на острове, несут на себе следы господствующего духа коммерции. Эмпиризм и позитивизм в политэкономии и социологии Зомбарт станет в 1920-е гг. критиковать как выражение того «духа торгашества»,

⁶ Зомбарт и Вебер были не только друзьями, но во многом и единомышленниками. Достаточно вспомнить о том, что элементы нищестанства легко обнаружить во многих произведениях Вебера, что оба они развивали теорию «понимающей социологии». То, что Вебер был значительно более глубоким мыслителем, вряд ли вызывает сомнения, но в споре об истоках капитализма прав был, скорее, Зомбарт.

который враждебен «немецкому духу». Оппозиция немецкой «культуры» и западной «цивилизации» – общее место немецкой публицистики начала XX в. – приобретает и эпистемологическое значение. Но если особенности научных концепций выводятся из «духа народа», то истинное для одного народа ложно для другого. Историзм и ссылки на *Volksgeist* имеют неприятное следствие: они ведут к самоубийству науки. То, что сегодня на *race* и *gender* ссылаются чаще, чем на *Volksgeist*, ничуть не меняет сути дела.

В 1917 г. Зомбарт становится профессором Берлинского университета, т. е. достигает наивысшего для немецкого ученого той поры поста с титулом «действительного тайного советника». Этому весьма способствовало то обстоятельство, что влияние социал-демократов к концу войны стало столь значительным, что без их участия не принимались важнейшие решения. Они повторяли слова многолетнего вождя партии Бебеля: «Если речь идет о войне против России, то я сам возьму в руки винтовку!» Правда, министерские посты они получают только в результате ноябрьской революции 1918 г., но станут их использовать совсем не для осуществления своей доктрины. Социал-демократы стали главной опорой Веймарской республики, но именно это оттолкнуло от них сделавшегося националистом Зомбарта, видевшего в этой республике плод унижительного Версальского договора. Он окончательно порывает с социал-демократами и пишет ряд антимарксистских работ, переоценивая свои прежние представления о социализме. То, что он не считал социализм неизбежно следующей за капитализмом «общественной формацией», хорошо видно по публикуемой в этом томе работе «Почему в Соединенных Штатах нет социализма?» Хотя под конец книги он делает оговорки о возможном пришествии социализма и в Новый Свет, по своему содержанию эта ранняя работа Зомбарта далека от тогдашнего марксизма (достаточно сравнить ее с тем, что писал Ленин о США, находясь в Цюрихе). Для Зомбарта в истории не существует никакой универсальной закономерности, ведущей человечество в «счастливое завтра». Кризис европейского капитализма он связывает с бюрократизацией, растущей вместе с концентрацией капитала и спадом инноваций, исчезновением того человеческого типа, который был создателем и носителем «капиталистического духа». Социализм придет не как «освобождение труда», но в облике все и вся контролирующего государства – видение будущего у Зомбарта было пессимистическим. В рабочем классе он уже не видит зачаток творческой элиты будущего. В отличие от некоторых других представителей «консервативной революции», «немецкий социализм» в изображении Зомбарта выглядит как печальная неизбежность – здесь он близок Веберу, писавшему о грядущей бюрократизации. Крушение мирового рынка в результате кризиса 1929 г., казалось, подтверждает такое видение будущего. Именно об этом кризисе рыночной экономики говорится в работе «Немецкий социализм», вышедшей в 1934 г. – книге, которую, уже потому, что она вышла в гитлеровской Германии, причисляют к нацистской идеологической продукции.

Смена наших политических декораций и переиздание некоторых трудов Зомбарта не привели к тому, что в учебниках и в статьях о нем перестали писать всякий вздор – пусть уже совсем иной идеологической окраски. Из единственной опубликованной у нас толковой статьи по социологии Зомбарта мы узнаем, что он то ли сотрудничал с ведомством Гимmlера, то ли очень хотел, да более шустрые не пустили. Когда в неплохом учебнике по истории экономической мысли читаешь о том, что Зомбарт сделался пропагандистом «вовсе одиозных форм мифологии “крови и почвы”, русофобии, антисемитизма», что он «стремился стать одним из идеологов нацизма», то возникает вопрос: читал ли вообще автор соответствующего раздела труды Зомбарта или же переписывал из тех американских учебников 50-60-х гг., в которых последнего именно так изображали – только, в отличие от российских авторов, не по неграмотности.

Счеты с Зомбартом сводят давние, тянущиеся еще со времен Первой мировой войны, с книги «Герои и торгоши», в которой немецкая *Kultur* представлялась как «геройская», тогда как англосаксы были изображены как «торгоши», навязывающие всему свету одним разом

«демократические ценности» и плутократию, господство того человеческого типа, который считает себя вершиной эволюции, ибо лучше других торгуется и подсчитывает. Отечественные социологи и экономисты просто «передирают» тексты англосаксов, суть которых четко выражена в Encyclopedia Britannica, где о Зомбарте можно прочесть следующее: «... немецкий историк-экономист, включивший марксистские принципы и нацистские теории в свои писания о капитализме» (German historical economist who incorporated Marxist principles and Nazi theories in his writings on capitalism). Приведу еще пару примеров словарных статей из электронных библиотек. На Website The History of Economic Thought (www.cera.newschool.edu) Зомбарт предстает как карьерист, примкнувший к нацистам, поскольку «оказался на обочине немецкой академической жизни» (хотя на деле занимал престижнейший пост профессора в Берлинском университете и был одним из немногих немецких экономистов с мировой известностью). Далее мы читаем, что он во всех своих текстах «очернял буржуа» (это пишется об одном из прославителей «капиталистического духа»), что завершением его научной карьеры была «utterly and explicitly Nazi book “Deutscher Sozialismus”... This shameful book, which became a highly-distributed Nazi textbook, was the culmination of Sombart’s confused life». Нечто подобное о нем пишут и на немецких «ученых» сайтах – с тем отличием, что авторы делают больше оговорок, хотя бы понимают, о чем писал Зомбарт, не сводят мотивы Зомбарта к денежным и карьерным (иных американские авторы, кажется, не признают). Но германские экономисты являются либералами, а социологи – почти исключительно неомарксистами из Франкфуртской школы, а потому наиболее информативная статья (на сайте www.udo-leuschner.de) полна упреков по поводу отказа Зомбарта от диалектики, повторов замечаний марксистов начала XX в. о «психологизации экономики» и т. п. Уже заглавие статьи передает намерения автора: «Случай Зомбарта. О трансформации “свободно парящего духа” науки от симпатизирующего социал-демократии к попутчику фашизма». Впрочем, последователи Адорно так часто и по столь разным поводам употребляют слово «фашизм», что оно утрачивает всякое значение. В указанной статье сходную с Зомбартом эволюцию к фашизму проделал и М. Вебер!

Образ Зомбарта-карьериста, подлаживающегося к «новому порядку» ради денег, присутствует в столь многих публикациях, что придется сказать несколько слов по этому поводу. Известен первоисточник – Л. фон Мизес однажды написал о Зомбарте чрезвычайно злой текст, с характеристиками, вроде следующей: «He never knew any ambition other than to draw attention to himself and make money». Однако нужно учитывать, что Мизес был и научным, и политическим оппонентом Зомбарта – верить ему на слово вряд ли стоит. Европейскую известность Зомбарту принесли уже первые книги, до Первой мировой войны ему не нужно было заботиться о деньгах: он получил более чем достаточное наследство от отца – крупного предпринимателя и политика. После войны, когда инфляция уничтожила все накопления, Зомбарт нуждался в деньгах (и даже продал в Японию свою библиотеку), но как раз в это время он почти не писал работ для широкого читателя, которые способствовали его известности до войны и могли приносить достойные гонорары. Зомбарт на протяжении 17 лет не мог получить постоянное место университетского профессора, хотя для получения благ земных от него требовалось лишь одно – писать столь же пошлые опровержения марксизма, как и его оппоненты. После революции, когда социал-демократы пришли к власти, Зомбарт мог использовать свои связи в этих кругах и претендовать даже на министерский пост, но именно в это время он становится одним из самых непримиримых врагов Веймарской республики, пишет памфлет «Пролетарский социализм», в котором сводит счеты с марксизмом. О каком «карьеризме» можно говорить в случае ученого, достигшего высшего на то время статуса? Пишут об этом исключительно американские авторы, тогда как в по-немецки обстоятельной биографии (страниц на 600) говорится обратное – успех у женщин, кажется, интересовал Зомбарта куда больше карьеры. Зачем стремиться к славе тому, кто ее уже имеет? Неужели Зомбарт был настолько

глуп, что не понимал «социального заказа» ни при кайзере, ни при Гитлере, а потому не написал сначала нечто в духе Бём-Баверка, а затем что-то в духе «социальной евгеники»?

Сегодня существует целая библиотека книг, статей и диссертаций, в которых сводятся счёты с Хайдеггером, Шмиттом, Юнгером и целым рядом других немецких мыслителей, которые либо «сотрудничали с режимом», либо «к нему вели», а потому их творения подлежат чуть ли не априорному осуждению. При этом никто не вспоминает, что кумир немецких левых, Адорно, написал в 1933 г. письмо в ведомство Геббельса с предложением о плодотворном сотрудничестве, что «свободомыслящий» марксист Лукач, будучи в 1919 г. комиссаром в Будапеште, подписывал расстрельные приговоры. Хуже другое – такого сорта писания лево-либеральной публики были бы не столь отвратительны, если бы они не прикрывали историческую реальность, а именно поведение почти всей германской элиты в годы нацизма. Хорошо известно, с какой легкостью на милость победителя-Гитлера сдавались немецкие либералы и социал-демократы, как преданно служили вплоть до 1945 г., а затем в одно мгновение вновь обратились в богобоязненных христианских демократов или прогрессивных социалистов⁷.

Известно также, что немецкое Сопротивление гитлеровскому режиму было либо коммунистическим, либо консервативным, тогда как ни либералы, ни социал-демократы в нем практически не участвовали (за исключением тех социал-демократов, которые в Веймарской республике составляли незначительное «националистическое» меньшинство, примыкавшее к «консервативной революции»)⁸. Не следует слишком доверять Ф.А.Хайеку, когда он в «Дороге к рабству» обвиняет немецких социал-демократов в том, что они чуть ли не подготавливали «новый порядок», но стоит прислушаться к его оценке немецкого либерализма: «Только либерализм в английском смысле всегда противостоял централизации, национализму и социализму, тогда как либерализм, господствовавший на континенте, содействовал всем трем»⁹. Гитлер осуществлял ту программу, которую еще до Первой мировой войны выработали немецкие «национал-либералы» в таких союзах, как *Alldeutscher Verband*, *Flottenverein*, *Kolonialgesellschaft*. В любом учебнике истории мы можем прочесть о том, что интриган фон Папен и престарелый Гинденбург вручили власть Гитлеру, но почти никто не пишет об ответственности социал-демократов, которые предпочли Гитлера и помогли падению кабинета фон Шлейхера (близоруко полагая, что фон Шлейхер может прийти к власти надолго, тогда как правительство Гитлера быстро падет). Историю побежденных пишут победители или те, кто успел себя причислить к стану победителей. Один из немногих честных и независимых историков Германии, С. Хаффнер, заметил, что имеется не так уж много времен в истории, о которых столько лгали, как о последовавших за революцией 1918 г. событиях.

Вряд ли есть необходимость цепляться к нескольким высокомерным суждениям Зомбарта о славянах – он был немецким националистом, да и суждения такого рода легко найти хотя бы в переписке Маркса и Энгельса. Многие ли наши классики XIX столетия удержались от иронических суждений

⁷ О «грехопадении» Хайдеггера и Шмитта написаны многие тома, но практически отсутствуют исследования относительно той экономической элиты, которая обслуживала гитлеровский режим. Если взять списки участников заседаний по «окончательному решению еврейского вопроса» или по «плану Ост» (т. е. плану уничтожения восточных славян), то из сотни участников на скамье подсудимых оказались немногочисленные представители СС и партии, тогда как все остальные представляли экономическую элиту – они сделали блестящую карьеру в ФРГ, преобразившись в пламенных либералов. В 1950 г. две трети членов ХДС имели пятью годами ранее партийный билет НСДАП. Впрочем, такого рода «пропуски» в истории не являются единственными. О пакте Риббентропа – Молотова можно прочесть целую библиотеку, но американские и немецкие историки не торопятся написать о тех американских корпорациях, которые вплоть до высадки союзников в Нормандии поставляли нацистской Германии нефть (судя по некоторым источникам, капитал семьи нынешнего президента США приумножился именно на таких поставках).

⁸ См. по этому поводу: *Mommsen H. Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft*. Rowolt, Reinbeck bei Hamburg, 1991.

⁹ *Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок*. М., 2000. С. 47.

о немцах? Антисемитом он никогда не был, расизм считал глупостью. Как и все представители «консервативной революции», Зомбарт был противником и Версаля, и Веймара, но это совсем не тождественно национал-социализму. Веймарскую республику американский историк П. Гай назвал «республикой без республиканцев» – ее отвергали не только коммунисты и нацисты, но также *Deutschnationale Volkspartei* (наследники «национал-либерализма»), большая часть католической партии *Zentrum*, да и главные защитники республики, социал-демократы, по своей программе были по-прежнему марксистами, отвергающими «эксплуаторскую» буржуазную республику. Не было ни одной политической партии, которая не возмущалась бы по поводу Версаля. Представители «консервативной революции», к которой принадлежит и Зомбарт, отличались от прочих не тем, что желали похоронить республику и Версальский договор, но своеобразным сочетанием консервативных и социалистических идей. Если не входить в детали, политическим воплощением этой идеологии могла стать авторитарная президентская республика, уменьшение роли партий и парламента, но никак не нацистский режим с поглощением государства одной из партий. Даже авторам разоблачительных статей о «попутчике фашизма» ведомо различие между авторитаризмом и тоталитаризмом.

Если оценить влияние идей Зомбарта на политические проекты того времени, то значительным оно было на публицистику его учеников в журнале *Die Tat*. Этот журнал был рупором тех сил, которые стояли за последним канцлером Веймарской республики, генералом фон Шлейхером. Известно, что этот «социальный генерал» пытался опереться на профсоюзы, расколоть НСДАП и не допустить Гитлера к власти (за это он был убит нацистами в 1934 г.). Книга Зомбарта «Немецкий социализм» вышла в 1934 г., но значительная ее часть публиковалась ранее и сходна она со всей публицистикой «консервативной революции», прежде всего с книгой ученика Зомбарта, писавшего под псевдонимом Ф. Фрид¹⁰. Достаточно сравнить эту книгу Зомбарта с «Великой трансформацией» К. Поланьи, чтобы понять, о чем идет речь и не изобретать версии о «сотрудничестве» Зомбарта с нацистами. В 1934 г. идеологический контроль ведомства Геббельса был еще весьма ограничен, в правительство входили люди фон Папена и Гугенберга, а потому выходили книги далеких от нацизма авторов. Работа «Немецкий социализм» вовсе не стала *highly distributed Nazi textbook*, напротив, она была подвергнута ожесточенной критике как явно не соответствующая нацистской идеологии. Помимо того, что нацисты были неплохо осведомлены о связях Зомбарта с враждебными им кругами, в этой работе их разозлили не столько антикапиталистическая риторика и «техноскептицизм», даже не полное отсутствие «расовой доктрины», сколько резкая оценка любых агрессивных планов – Зомбарт выступает как сторонник постепенного и мирного формирования европейской конфедерации. В этом он также близок разрабатывавшимся в рамках «консервативной революции» проектам (*Mittleeuropa*, *Zwischeneuropa*). Последняя книга Зомбарта «Человек», вышедшая в 1938 г., вызвала негодование нацистских идеологов, поскольку в ней недвусмысленно отвергается расовая доктрина. Нападки в прессе становились все более ожесточенными, вплоть до статей, в которых писалось о «еврейском происхождении» Зомбарта. Трогать члена Прусской и Баварской Академий наук нацисты не собирались, но последние годы жизни Зомбарт провел в безвестности. Он умер 18 мая 1941 г. в Берлине.

Со времен той дискуссии о возникновении капитализма, которую открыли работы Вебера и Зомбарта, прошло целое столетие. В этой дискуссии участвовали и другие видные немецкие мыслители – Зиммель, Трёльч, Шелер. Немецкая социология начинается с этого спора; о нем, к сожалению, в России не было написано ни одного серьезного исследования. Созданные именно в те годы труды Зомбарта сохранили свою значимость: судить о нем (как и о мыслите-

¹⁰ Прежде всего, с вышедшей в 1932 г. работой «Конец капитализма», которая донныне представляет интерес для историка – разумеется, не пессимистическими прогнозами по поводу капитализма, но превосходным анализом социальной структуры Германии того времени.

лях вообще) нужно не по тому, что ему не удалось сделать, а по тому, что было сделано. «Реакционные» политические пристрастия Конта или Парето сегодня мало кого интересуют, равно как и «прогрессивные» (для кого Токвиля и Спенсера, для кого Сен-Симона и Маркса). Ученые мужи принадлежат своему времени ничуть не меньше всех прочих, но «шум и ярость» давних времен интересует только историков – всем прочим хватает сегодняшних проблем. Зомбарта есть смысл внимательно читать тем, кто не довольствуется информационной жвачкой сайтов Интернета или идеологическими текстами тех, кто переносит на прошлое политическую оппозицию «друзей» и «врагов». Социальные науки возникали в политически накаленном контексте, накануне эпохи мировых войн и «европейской гражданской войны». Это сказывается на сочинениях всех мыслителей начала XX столетия, Зомбарт не является исключением. Историк науки может себе позволить отвлечься от этого контекста, поскольку наука оперирует понятиями «истины» и «лжи», тогда как деление на «прогрессивное» и «реакционное» она оставляет идеологам и партийным литераторам.

Алексей Руткевич

Строй хозяйственной жизни

Предисловие

Перевод книги Зомбарта «Строй хозяйственной жизни» (Раздел XXXV «Encyclopaedic der Rechts und Staatswissenschaft», издание Kohlrausch, Kaskel und Spiethof) выходит не столько для того, чтобы русские читатели могли из него почерпнуть кое-какие сведения по политической экономии, сколько для их ознакомления с господином Вернером Зомбартом, а в его лице с расцветом так называемого «катедер-социализма». Прочитав этот труд, русский читатель будет избавлен от необходимости читать много толстых книг, написанных господином Зомбартом за последние 30 лет, большей частью для просвещения буржуазной публики, главным образом для того, чтобы вводить в заблуждение немецких рабочих при помощи якобы объективной «науки». В указанном небольшом труде объединены обе цели, и таким образом, этот труд является характерным как для определения роли немецкого «катедер-социализма» вообще, так и для роли Зомбарта в особенности. Зомбарт всегда претендовал на особое место среди немецких катедер-социалистов. И вовсе не потому, что он стоит ближе к марксизму, чем другие буржуазные ученые Германии, будь то экономисты, историки, юристы и т. д., а скорее наоборот.

Проследим важнейшие этапы в жизни Зомбарта. В середине XIX столетия Зомбарт стал выдвигаться как идеолог течения, которое русские читатели, вероятно, назвали бы легальным марксизмом. Он написал статью к только что изданному Энгельсом третьему тому Марксова «Капитала»; здесь он обнаружил такое понимание Маркса, которое было значительно выше всего, что высказывали по этому поводу другие немецкие университетские экономисты. И старик Энгельс не мог отказаться от того, чтобы не высказать нескольких слов признательности по адресу этого белого негра. В своем последнем труде «Дополнение и прибавление к третьему тому Капитала» Энгельс между прочим писал:

«В „Brauns Archiv für Soziale Gesetzgebung“, VII, Heft 4, Вернер Зомбарт дает превосходные в своей совокупности очерки, излагающие Марксову систему. Это первый случай, когда немецкий университетский профессор оказывается вообще способным видеть в произведениях Маркса именно то, что Маркс действительно сказал; в первый раз немецкий профессор учит, что критика Марксовой системы не может заключаться в одном опровержении, — пусть этим занимаются политические карьеристы, — а лишь в дальнейшем развитии ее».

Одобрение Энгельса было данью беспристрастному отношению к Марксу, столь необычному для буржуазного профессора. Однако, этого беспристрастия Зомбарту хватило ненадолго. И чем больше оно исчезало, чем больше фальсифицировал Зомбарт марксизм, одновременно восхваляя его, тем больше он кичился похвалой Энгельса, которая относилась исключительно к тому времени, когда Зомбарт искренне пытался понять Маркса.

В своей статье, написанной на смерть Энгельса, Зомбарт еще обнаруживает такое понимание Маркса, которое, во всяком случае, было необычным среди германских ученых; но эта же статья показала, что Зомбарт совершенно не понял революционера Энгельса, не понял неразрывной связи между революционной точкой зрения в отношении к буржуазному обществу и его теоретическому анализу, сделанному Марксом и Энгельсом. Марксова экономия имеет двухсторонний характер. Она является завершением классической буржуазной политической экономии и дает глубочайшее проникновение в самую суть капиталистического

хозяйства. Такое понимание она дает только благодаря тому, что рассматривает капиталистическое хозяйство как исторический процесс, т. е. как преходящее явление, а это, в свою очередь, возможно потому, что она противопоставляет ей революционную практику. Поэтому Марксова экономия есть одновременно и критическое преодоление буржуазной экономии, – это учение класса, по отношению к буржуазии революционного, – учение пролетариата. Пережьте его революционный нерв, – и у вас останется позитивное изложение капитализма. В таком виде это учение может только принести практическую пользу буржуазии. Именно так и поступил Зомбарт. Он сначала понял Маркса лишь настолько, насколько он может быть понят с точки зрения интересов буржуазного общества. Но состояние относительной научной ответственности не может долго длиться в классовой борьбе. И все, что Зомбарт извлек из марксизма, он постепенно начинает обращать против пролетариата на благо буржуазии.

Франц Меринг заметил основной недостаток в зомбартовском понимании марксизма, проступающий уже в упомянутой статье на смерть Энгельса. Эта особенность зомбартовского марксизма была вполне отчетливо вскрыта Мерингом, но тогда он отнесся к Зомбарту снисходительно, как к человеку, который может еще одинаково эволюционировать как вперед, так и назад. Поэтому он писал мягко и деликатно:

«Именно достоинства зомбартовской статьи на смерть Энгельса заставили нас сделать дополнения к некоторым пунктам, в которых Зомбарт нам кажется еще недостаточно исчерпывающим» (Neue Zeit, XIV, 1. С. 65. 1895).

Тогда же вышла в свет книга Зомбарта «Социализм и социальное движение в XIX столетии» – это была небольшая книга, составленная из ряда отдельных докладов. В ней падение Зомбарта проступает уже ярче и отчетливее, пожалуй, даже безнадежно. Как бы то ни было, но Меринг тотчас же уловил больные места. Он указал на ту «особенную мягкость, с которой Зомбарт подходит к своей теме». «Зомбарт, – пишет Меринг, – не такой болван, как Евгений Рихтер» (известный демократический социалист), он в совершенстве понял, какое значение может иметь предложенная Зомбартом «сублимация» Марксовой теории, вступление «классовой борьбы в приличные формы и на законную почву» и превращение марксизма в эволюционное течение.

Свою оценку зомбартовской книжки он закончил следующими, полными предчувствия строками:

«Надо желать и надеяться, что развитие Зомбарта пойдет вперед, ноне следует, однако, закрывать глаза и на то, что “квинтэссенция социализма”, которую он только что обнаружил, еще содержит в себе все те элементы, которые могут превратить ее в весьма утешительный для филистеров молитвенник о безнадежности социал-демократии» (N. Z., XV, I. С. 449. 1896).

«Квинтэссенция социализма» – это намек на весьма известное в то время произведение Шеффле того же названия, очень доброжелательно отзывающееся о социал-демократии, вслед за которым, однако, последовало новое произведение Шеффле, уже рисующее социал-демократию, как не имеющую перед собой никаких благоприятных перспектив. Два факта, имевшие место в ближайшие годы, оказали решающее влияние на выбор дальнейшего пути профессора Зомбарта: вперед или назад. Первый факт – это усиленное развитие империализма в Германии, «мировая политика», как его тогда называли, развитие, повлекшее за собой пропаганду за создание мощного германского флота. Зомбарт вместе с другими «коллегами от катедер-социализма» весьма усердно примыкает к этому империалистическому и антисоциалистическому направлению. Таким образом, у катедер-социализма были окончательно сло-

маны последние остатки его позвоночника. Катедер-социалисты, а вместе с ними и Зомбарт, принимали участие в этой пропаганде за сооружение флота.

Второй факт – это ревизионизм, выступление Бернштейна (1897–1898 гг.). С особым чутьем настоящего классового врага Зомбарт понял, что стоит вмешаться в этот раскол, чтобы потащить «эволюционный» социализм вниз по наклонной плоскости. И Зомбарт выпустил брошюру под заглавием «А все-таки» («Dennoch»), в которой он «научно доказал», что через профессиональные союзы рабочие могут бесконечно улучшать свое положение, пытаясь таким образом вогнать клин между союзами и партией.

Эта работа была беспощадно раскритикована Розой Люксембург. Она писала:

«Но вместе с другими нежными почками период мировой политики сломил нежные ростки научного беспристрастия бреславльского профессора... Теперь он в одном строю со своими коллегами сражается за мощный германский флот, придуманный для защиты германского экспорта (Die deutsche Wissenschaft hinter der Arbeit. N. Z., XVIII, 2. S. 740). И Зомбарт избрал этот путь. И еще раз никто не отметил этого лучше того же Франца Меринга, когда он говорит о Зомбарте¹¹:

“Он возносит Маркса до небес, как “очень великого”, как “научную совесть всякого изучающего политическую экономию”, не только как “Praeceptor Germaniae”, как наставника Германии, но и всего цивилизованного мира, серьезно занимающегося теперь изучением политической экономии”. Но когда он с чувством благоговейного уважения благодарного ученика утверждает, что развивает далее Маркса, он его вместе с тем просто-напросто убивает. Но Зомбарт в своем роде типичен, как по-своему типичен и Дельбрюк. Буржуазные историки поняли, что Маркса нельзя будет долго держать в стороне от их курятника, поэтому они впустили его в курятник и теперь пытаются для своих целей вылощить его по-куриному. Одни из них пекут свои пироги из яиц, которые несет эта курица, и затем утверждают, что курица-де может, конечно, обладать только куриным умом. Другие же откармливают ее до отказа, начиняют ее фаршем из экономической пошлятины, а затем молитвенно падают на колени перед этим маленьким изуродованным чудовищем, как будто перед “Praeceptor Germaniae”».

Здесь великолепно охарактеризована вторая фаза развития Зомбарта. Третья фаза проходит через русскую Октябрьскую революцию. Теперь Зомбарт отказывается пасть ниц даже перед этим фальсифицированным Марксом. В последнем издании его книги «Социализм и социальное движение», вышедшей в 1924 г., он превращает Маркса в карикатуру. Эта книга – злостный памфлет против коммунизма вообще и против большевизма в особенности. После этого Зомбарт становится доброжелателем и покровителем социал-демократии.

* * *

Как истинно немецкий профессор, свою книгу «Строй хозяйственной жизни» Зомбарт, естественно, начинает с определения того, что он понимает под хозяйством. В свое определение хозяйства вообще, а капиталистического – в особенности, Зомбарт вводит признак «порядка» (Ordnung).

«Хозяйство» определяется Зомбартом как «забота человека о поддержании существования». Основными его составляющими являются:

¹¹ «Marx im Hühnerhof»

1. *«Осмысленность»*. Сущность ее составляет «хозяйственный смысл или дух хозяйственной жизни». Как мы увидим далее, «дух хозяйственной жизни», т. е. хозяйственная идеология, является у Зомбарта не производным признаком, а основным. А ведь это – идеализм чистой воды.

2. *«Упорядоченность»*. Она «доказывается» следующим образом: «Всякая хозяйственная деятельность есть “воздействующая” деятельность, и так как человек соответственно своей природе живет в обществе, – она является деятельностью среди множества людей. Но разумная деятельность протекает среди множества людей, то лежащий в ее основе (субъективный) план нуждается в объективировании, благодаря которому только он и становится руководящим для многих. Объективированный же план мы называем “порядком”».

Таким образом, доказывается, что всякое хозяйство, в том числе и капиталистическое, – упорядочено. Зомбарт забыл только обратить внимание своих читателей на то, что существовали и существуют хозяйственные формы, которые «упорядочены», т. е. планомерны в своих элементах (отдельное предприятие) и не упорядочены или лишены всякой планомерности в своей совокупности. Таковы простое товарное производство и капиталистическое хозяйство. Господин Зомбарт «забыл» также, что политическая экономия рассматривает хозяйство как явление общественное, а не индивидуальное. Этим ловким ходом Зомбарт стирает основную историческую и социальную разницу между такими хозяйственными формами, основой которых является общественный план, и такими, «порядок» которых не есть результат планомерности, а лишь результат последующего научного анализа, например, наподобие порядка планетной системы.

3. *Техника*. Она «как бы составляет материю» хозяйственного процесса. Например, бумагопрядение есть процесс, предшествующий хозяйственной жизни. Под ним Зомбарт понимает также «приготовление сырья, обработку его при помощи машин или посредством ручных приспособлений, упаковку и отправку готового продукта». Отсюда следует, что Зомбарт не понимает разницы между технической и хозяйственной стороной производственного процесса. Что он именно не понимает этой разницы, становится уже совершенно ясным, когда он эту разницу формулирует следующим образом: «... хозяйство – это область культуры, техника – это прием». Вполне понятно, что в интересах защиты капитализма весьма выгодно сваливать в одну кучу технику и хозяйство.

Порядок хозяйственной жизни складывается в результате трех процессов: 1) «регулирования» – при помощи крупнейшего хозяйственного союза; 2) «организации» – при посредстве хозяйственного субъекта; 3) «систематизации» – при посредстве науки.

Как известно, политическая экономия, как наука, не старше капитализма. Ни кочевое австралийское племя, сообща отправляющееся на охоту, ни средневековый феодал не имели, да и не нуждались в «систематизирующей» науке для понимания своего хозяйства; не нуждаемся в ней и мы, так как в основу и того и другого хозяйства положен определенный план. И так как в настоящее время наука вообще является существенной составной частью хозяйственного порядка, то, таким образом, Зомбарт может «доказать», что подлинный порядок в хозяйственной жизни появляется лишь вместе с капитализмом.

Господин Зомбарт приводит ряд признаков, якобы исторически характеризующих любой хозяйственный строй: 1) хозяйственный субъект;

2) является ли хозяйственный субъект собственником хозяйственных благ и каких; 3) формы взаимной зависимости; 4) какого рода зависимость существует между хозяйственными субъектами (договорная или нет); 5) «свободное» или «несвободное» хозяйство; 6) в какой форме «блага» потребляются; 7) основы для распределения общественного дохода; 8) в каких формах заключаются сделки.

С первого же взгляда здесь бросается в глаза необычайная путаница, смешивающая правовые, хозяйственные и технические моменты и совершенно игнорирующая их внутреннюю

связь, например, между формой производства, распределением и потреблением. Таким образом, можно иллюстрировать не порядок в хозяйстве, а беспорядок, царящий в голове этого экономиста.

Согласно дальнейшему пояснению Зомбарта, хозяйственный строй – это не материальный строй, как думают простые смертные, более того: «... идея хозяйства – понятие отвлеченное вне времени и пространства». Чтобы установить место и время для этой «идеи» хозяйства, достаточно знать, что в Германии в настоящее время в большой моде некий философ господин Гуссерль, вновь открывший ту же абсолютную идею. В частности, яснее хозяйство определяется как форма определенной «идеи о культуре». Эта идея наукой вводится в действительное содержание. Откуда же «наука» берет «идею стиля в учении о хозяйстве»? Зомбарт отмечает, что это совершенно новые идеи, поэтому литературы о них не существует. Зомбарт явно спекулирует на том, что теперь никто уже не знаком с Гегелем и потому не узнает, у кого он заимствовал эту идею об «идее».

Первая глава специально посвящена «систематизации хозяйственной жизни», т. е. систематике народного хозяйства.

«Идея народного хозяйства» (как известно, это изобретение немецкой исторической школы политической экономии – Рошер, Шмоллер и К¹²) не способна влиять в направлении создания системы, «потому что она сама по себе совершенно пуста». Зомбарт полемизирует против сопоставления между народным хозяйством и капиталистическим хозяйством. Но народное хозяйство может остаться, как «рабочая идея». К чему же тогда весь этот шум? Серьезный критический анализ покажет, что такое понимание сильно хромает. Во-первых, в условиях капиталистических отношений хозяйствует не «народ» – совокупность всей нации, а всего лишь его меньшинство; большинство же является объектом хозяйствования. В этом смысле выражение «народное хозяйство» является обычным буржуазным обманом. Во-вторых, при капиталистическом строе хозяйство в действительности образует одно целое, не внутри национальных границ, а в мировом масштабе. В действительности, одно целое составляет не народное хозяйство, а мировое. Затем Зомбарт критикует классификацию хозяйственных систем по «состоянию производства», т. е. по преобладающим источникам существования, как то: рыболовство, охота, земледелие и т. д. То же, но гораздо лучше, изложено у Розы Люксембург, откуда несомненно Зомбарт и заимствовал это. Известная классификация Бюхера и Бруно Гильдебранда² также отвергается, но опять-таки весьма поверхностно, критиками. Ни на своих английских, американских и французских коллег по политической экономии, ни на их идеи Зомбарт не находит нужным обратить свое внимание.

После этой обстоятельной критической подготовки следует зомбартовское откровение: основной идеей является «идея хозяйственной системы». В чем же сущность этой идеи? Это «способ хозяйства, представляющего целесообразное единство, в котором каждая из главных составных частей имеет определенную форму». Не говоря уже об идеалистической форме этого определения, господин Зомбарт преподносит нам здесь чистейшую тавтологию. Ведь вопрос именно в том, какие признаки являются характерными, определяющими, устанавливающими *единство* системы? Поэтому-то Зомбарт вынужден идти еще далее и разъяснить, что хозяйственная система есть «способ хозяйства, понимаемый как духовное единство: 1) проникнутое определенным духом; 2) имеющее определенный порядок и организацию и 3) применяющее определенную технику».

Начнем с последнего определения. На первый взгляд оно кажется лишь обобщением исторической связи между появлением паровой машины и промышленным капитализмом. Связь между техникой и способами производства существует, но, конечно, не столь простая и непосредственная, как это изображает Зомбарт, вульгаризируя исторический материализм.

¹² Bruno Hildebrand. Natural.-Geld-und Kreditwissenschaft.

Связь между техникой и способами производства не прямая и в первую очередь она зависит от объема сотрудничества и степени разделения труда, требуемых данным состоянием техники. Оказывается, с одной стороны, что определенный способ производства допускает целый ряд ступеней техники. Достаточно здесь вспомнить, как различные формы первобытного коммунизма связаны с целым рядом различных ступеней техники, начиная с техники палеолитических каменных орудий и кончая техникой бронзы и железа.

Это техническое развитие разворачивается в определенных рамках сотрудничества, трудовой квалификации и тем самым разделения труда. Максимальным пределом этого развития была вначале сельская община. Но *внутри* определенной трудовой общины и при определенном характере и степени разделения труда, которые характерны для определенного способа производства, возможен целый ряд ступеней и форм техники. И только на определенных *узловых пунктах* весь объем сотрудничества и разделения труда, связанный с определенной техникой, превращается в другой по качеству способ производства. На другом конце лестницы мы видим, как промышленный капитализм пробегает по целому ряду ступеней техники – от паровой машины до повсеместного использования электричества – ступеней, которые связаны со все возрастающей степенью сотрудничества. Но внутри капитализма, как и внутри всякого прогрессирующего способа производства, не исключая различных форм первобытного коммунизма, трудовому сотрудничеству, а тем самым и техническому прогрессу самой историей поставлены границы, разрушить которые может только социальная революция.

Наоборот, мы видим, что определенная техника может принадлежать различным способам производства: она должна только находиться в пределах тех границ трудового сотрудничества, для которых общими являются и те и другие способы производства. В интересах защиты капитализма такие буржуазные экономисты, как Зомбарт, должны прибегать к опoшлению и упрощению отношений между техникой и формами производства, чтобы доказать будто капиталистические способы производства непосредственно и неразрывно связаны с современной техникой.

Что касается второго пункта – определенного порядка и организации, то мы уже выше указывали на тот прием, который Зомбарт проделывает с этим понятием, благодаря неопределенности, в которой он оставляет это понятие. В действительности же все дело в общественных отношениях людей в производстве. Наконец, «дух» рода хозяйства, который принимается Зомбартом как основная, как независимая переменная, – «дух» этот при ближайшем историческом анализе оказывается производным, зависимой переменной, а именно зависимым от изменения материальных способов производства. Если же зомбартовскому «духу» дать свободно витать в воздухе, то непонятно, почему не Платон и не Аристотель развили капиталистический «дух», а Локк, Кант или Бентам.

Классическая политическая экономия не рассматривала явлений в их исторической последовательности. В капиталистическом строе она видела найденную, наконец, после долгих ошибочных путей «разумную», следовательно, постоянную, форму производства. После Маркса и, в особенности, после того, как в Советской России уже была на практике продемонстрирована историческая ограниченность капитализма, буржуазная экономия не может не быть исторической. Она спасается из этого положения, заменяя железную необходимость исторического материализма произволом исторического идеализма, в котором «дух» может делать любые воздушные прыжки.

Классическая политическая экономия трижды права по сравнению с этим вульгарным историческим идеализмом, так как она во всяком случае рассматривала экономические факты, как управляющиеся определенными законами, даже когда она исторические законы заменяет естественными, в смысле их постоянства. Отсюда следует, что тот, кто для защиты капитализма переворачивает исторический материализм вверх ногами, тот не только не подымается до уровня Маркса и Энгельса, а наоборот, плетется далеко позади Рикардо и Смита, и даже

физиократов. Господин Зомбарт из этих основных признаков выводит ряд *принципов*, по которым должны быть построены всевозможные хозяйственные системы.

Эти принципы, соединенные попарно по признакам противоположности, следующие: принцип удовлетворения потребностей и принцип доходности; традиционный и рационалистический выбор средств; индивидуальное и солидарное хозяйство; связанное (нормативизм) и свободное (натурализм) хозяйство; частное и общественное хозяйство (как в отношении производства, так и потребления); аристократическая и демократическая форма; специализация занятий (или ее отсутствие); хозяйство для удовлетворения потребностей и меновое хозяйство.

Нам остается еще добавить сюда «принципы» техники. Она (техника) бывает эмпирическая или научная, стационарная или революционная, органическая или неорганическая.

Оба последних принципа берут свое начало из пресловутой теории кризисов господина Зомбарта, которая приписывала аорганическим веществам в производстве (а может быть и до сих пор приписывает: нельзя никогда знать, когда у Зомбарта меняется мода) особую роль при разрешении хозяйственных кризисов.

Примечания Зомбарта (иначе их назвать нельзя) к главе об исторически важнейших докапиталистических формах хозяйства чрезвычайно слабы, частью же прямо неверны. Неверна уже сама общая характеристика некапиталистических форм хозяйства. Об этом Зомбарт говорит следующее:

«Общими для всех некапиталистических хозяйственных систем являются две: принцип удовлетворения потребностей – в области хозяйственных понятий и связанность – в области регулирования».

Это неверно даже для простого товарного производства, предварительной ступени капиталистического производства, которую Зомбарт смешивает с «ремеслом», которое, в свою очередь, не является достаточно ясно очерченным экономическим понятием.

В качестве важнейших исторических хозяйственных форм Зомбарт приводит следующие: хозяйство первобытных родовых союзов и хозяйство деревенской общины. Их характеристика в высшей степени поверхностна и небрежна. Притом Зомбарт характеризует только позднейший период германской коммунистической деревенской общины, следовательно период ее распада.

Интересы буржуазной апологетики к этим хозяйственным формам, от которых отдает затхлым запахом коммунизма, не идут, по-видимому, столь далеко, чтобы возможно было действительно научное обсуждение.

Рабовладельческое хозяйство фигурирует у Зомбарта под родбертусовским псевдонимом «ойкосного хозяйства» или домашнего хозяйства, причем снова упускается из виду, что в своем полном развитии оно выступает на первый план как производство на рынок, а не для домашнего потребления.

Затем идет «ремесло», о котором уже было упомянуто. Для манеры Зомбарта весьма характерно, как он доказывает, что средства производства ремесленника не являются капиталом. Это делается так: «... вещное имущество ремесленника еще не получило характера капитала».

Весьма глубокомысленны рассуждения Зомбарта о «социалистической системе хозяйства»:

«Антикапиталистические (что это значит? – А. Т.) или послекapиталистические хозяйственные системы, отличающиеся от рассмотренных до сих пор тем, что они еще не могли доказать свою силу в действительности...».

Эти системы утопичны. Почему?

«Хозяйственная утопия – это хозяйственная система, содержащая несовместимые слагаемые. Что социалистические системы, как они измышлялись до сих пор, в основных пунктах утопичны, можно легко доказать».

Как же это доказывает Зомбарт? Весьма просто. Революционная техника – по Зомбарту – несовместима с социалистическим строем и организацией. Только при стационарной технике может иметь место планомерное распределение. Это значит просто *утверждать*, что коммунизм возможен лишь как *первобытный коммунизм*. Но мы напрасно стали бы искать у Зомбарта какое-либо доказательство этого утверждения. В другом месте, о котором нам придется еще говорить, Зомбарт утверждает, что *внутри* капитализма постоянно развиваются социалистические элементы. Таким образом, Зомбарт доказывает, что 1) на основе капиталистической техники коммунизм или социализм невозможны, 2) но на основе капиталистической техники непрерывно растут элементы социалистического хозяйства. Здесь господин Зомбарт, кажется, несколько переусердствовал в своей защите капитализма. Одно утверждение убивает другое.

В действительности же планомерное социалистическое или капиталистическое хозяйство – не в объеме земледельческой деревни и не на основах стационарной техники, – а в объеме большой страны, и в конечном итоге в объеме всего земного шара, притом не только на основе существующей капиталистической, а на основе значительно более развитой техники, – задача несравненно более сложная. Пример СССР показывает, что после того, как рабочий класс, экспроприровав капиталистов и помещиков, овладеет важнейшими отраслями промышленности и путями сообщения, – эта цель может быть достигнута не сразу, а лишь постепенно. Но утверждение, что достижению этой цели положены *принципиальные границы*, не может быть доказано. Доказать это не пытался ни Зомбарт, ни какой-либо другой буржуазный экономист.

Напротив, послевоенный капиталистический кризис вполне ясно доказал, что достигнутый уровень техники уже доходит до пределов, поставленных сотрудничеству капиталистическим способом производства, в то время как бывшие до сих пор периодические торговые кризисы обнаружили противоречие между капиталистическим способом производства и присвоения. Зомбарт чрезвычайно остерегается даже слегка коснуться противоречий капиталистической системы. Наоборот, все его манипуляции с понятием «порядка» прodelьваются для того, чтобы капиталистическую систему изобразить в виде гармонического, лишённого всяких противоречий порядка.

Все же противоречие между революционной техникой и социалистическим способом производства Зомбарт может считать своим оригинальным открытием.

Согласно схеме Зомбарта, капитализм – это гармонично-планомерная хозяйственная система. В чем сущность капитализма, как создается капиталистическая прибыль, какое разделение на классы лежит в основе этой системы – об этом Зомбарт не упоминает ни слова. Или, быть может, следующее объяснение «аристократической структуры» капитализма следует рассматривать как историческую характеристику.

«Исторической причиной аристократического расслоения в капиталистическом хозяйстве является обоснованная личными и материальными обстоятельствами способность немногих и неспособность многих от Поллю1 (здесь Зомбарт говорит языком Платона. – А. Т.) руководить процессом производства, который, в силу предъявляемых им технических и организационных требований, исключает деятельность среднеодаренных и среднеимущих посредственностей в качестве хозяйствующих субъектов (как это возможно в ремесле)».

Таким образом, капиталисты являются капиталистами не только потому, что они имеют капитал, но также и потому, что они обладают большим умом, чем «многие».

Насколько в сравнении с этим робки и скромны были защитники капитализма до Зомбарта, когда предприниматель, которого его профессор-защитник одарил гениальностью, часто действительно сам руководил предприятием, хотя и тогда уже тип предпринимателя, ровно ничего не смыслящего в технике своего дела, был достаточно многочислен. Зомбарт, однако, сильно перешеголял своих скромных предшественников, – ведь теперь уже технически руководят и управляют всем предприятием почти везде служащие, работающие за плату. И господин Зомбарт, как типичный немецкий ученый, превращает своих капиталистов в «аристократов», окрашивает их под цвет феодалов.

По вопросу об исторических тенденциях капитализма Зомбарт изрекает старые путанные и уклончивые фразы. «Следует остерегаться, – говорит он, – доказывать тенденции экономического развития».

Однако, по-видимому, есть последовательная смена «демократических» и «аристократических» хозяйственных систем, обусловленная психологически. «Кажется, что в настоящее время к этому аристократическому периоду (к капитализму. – А. Т.) примыкает демократический, который сказывается в росте влияния профессиональных союзов» и т. д. Зомбарт, конечно, считает, что эта социал-демократическая болтовня о «хозяйственной демократии», которую возможно осуществить внутри капитализма, – вещь (для капиталистов) весьма приятная.

Но читателю, который пожелает изучить «социалистическую хозяйственную систему», Зомбарт указывает на Шеффле, Бургуэна, К. Диля, Людвика Мизеса, В. Ратенау, Отто Нейрата, т. е., за исключением труда Отто Нейрата, – на обычных ученых болтунов. Вся научная литература социализма по этому вопросу Зомбартом совершенно отбрасывается.

Во второй главе говорится о капиталистической организации хозяйственной жизни. Читатель, который надеется найти здесь если не научный анализ, то во всяком случае хотя бы верное внешнее описание организационных форм капитализма, будет разочарован. При схематизации и классификации форм производства Зомбарт постоянно путает технику с экономикой (а именно с точки зрения интересов частного хозяйства). В качестве форм торговых предприятий Зомбарт называет предприятия оптовые, розничные, оседлые и странствующие, но что общего это имеет с политической экономией?!

Оригинальное открытие делает Зомбарт о промышленных капиталистических предприятиях. Здесь мы имеем «две в корне различные группы предприятий»; смотря по тому «служит ли предприятие для извлечения прибыли» или «для создания вещественных благ или для хозяйственных деяний». Первое – это «хозяйственное предприятие», второе – «производственное предприятие». Где же во всем мире – воскликнет удивленный читатель – существуют такие капиталистические предприятия, которые не служили бы для извлечения прибыли? В итоге мы узнаем, что особенность этих двух групп заключается в разнице между торговым и финансовым отделами крупного предприятия, с одной стороны, и его производственным отделом – с другой стороны. По Зомбарту, по-видимому, для производственных предприятий принцип доходности *неприменим*. Поистине не знаешь, чему здесь больше удивляться: беспочвенной наивности и невежеству или бесстыдной фальсификации.

На той же научной высоте Зомбарт рассуждает о непрерывности воспроизводства в капиталистической системе. Известно, что непрерывность – это условие прочности всякого способа хозяйства. В капиталистической системе она создается через свою противоположность – периодические кризисы, и управляется законом цены. Обо всем том, что в этом вопросе вскрыл глубокий марксовский анализ, – у Зомбарта нет ни слова. Зато он сам рассказывает, что исчезновение личности капиталиста за «фирмой» обеспечивает «делу» непрерывность. Что за бол-

товня? В азарте защиты капитализма вульгарные экономисты такого сорта забывают даже о действительной силе капитализма, о силах, периодически выравнивающих эти кризисы.

Но в чем же содержание, цель капиталистического предприятия? И об этом поучает нас Зомбарт поистине оригинальным образом.

«Действительное содержание капиталистического предприятия – это не производство железа... его содержание – счет».

Похоже на то, будто в капиталистическом предприятии счет ведется не во имя получения прибыли, а наоборот, прибыль создается для того, чтобы можно было вести счет. Поистине, это оригинально!

Не менее слаба и зомбартовская глава о «капиталистических формах объединения» (слияние, картель, трест).

В третьей, последней, главе Зомбарт разбирает «регулирование хозяйственной жизни» или «хозяйственно-политические системы». Вместо исторического очерка, глава эта содержит столь же самоуверенные, сколь и поверхностные изречения г-на Зомбарта. Как и раньше, так и здесь Зомбарт сыплет множеством всяких принципов, при помощи которых хозяйственно-политические системы можно разделить на группы и давать им названия. Таким образом, существуют идеалистические или реалистические, материалистические или номиналистические, универсалистические или индивидуалистические, нормативные и связанные, несвободные и свободные «хозяйственно-политические» системы. Как видите, все эти выражения заимствованы не из материальной, а из духовной сферы. Зомбарт объясняет хозяйственную политику не конкретными потребностями существующих в данный момент и борющихся из-за господства или уже господствующих хозяйственных систем, а какими-то витающими в воздухе идеями. Это означает отказ от всякого действительного анализа.

Исторический идеализм Гегеля был делом революционным, сделавшим эпоху. Исторический идеализм Зомбарта и Ко – просто пошлость.

Это проявляется у Зомбарта во всех деталях. Например, меркантилизму глубокомысленно приписывается, что он проглядел *деньги* как специфическую форму общественного богатства. В настоящее время – это дешево и пошло, но, очевидно, необходимо быть таким революционным критиком капитализма, как Маркс, чтобы отдать меркантилизму исторически должное, и понять, что в эту эпоху имело главное значение именно образование капитала в *денежной форме*. Этой действительной потребности капитализма, развившегося из натурально-хозяйственных отношений, меркантилизм дал недостаточное теоретическое выражение.

Вместо исторического рассмотрения Зомбарт предпосылает нам в высшей степени курьезное объяснение меркантилизма, благоприятное для последнего, ибо Зомбарт и Ко, как представители «исторической школы», объявляют империализм близким родственником меркантилизма.

Хозяйственная политика меркантилизма была – поясняет Зомбарт – «последней широкой системой регулирования хозяйственных явлений с осознанными целями, выросшей из известного государственного воззрения. Хозяйственно-политические системы последующих времен представляются, по сравнению с ней, низменной торгашеской политикой».

Не менее глубокие толкования получаем о «либерализме» как политико-экономической системе. Мы узнаем, что он возник на почве «материалистическо-номиналистической метафизики», что это «социальный ньютонизм».

Для разнообразия Зомбарт тут же без передышки рассуждает и материалистически, объясняя либерализм как идеологию, соответствующую капитализму, стремившемуся к освобождению от уз, наложенных на него меркантилизмом. Но и здесь Зомбарт остается вульгарным и поверхностным.

Рассматривая «экономическую политику настоящего времени», Зомбарт не может не обойти молчанием империализм. Мы узнаем, что для экономической политики настоящего времени является характерным смешение стилей и что было бы «глупо» делать вывод, что империализм целиком служит капиталистическим целям. После этого мы можем считать себя вполне усвоившими сущность империализма.

Заключительная часть книги посвящена социалистической экономической политике или «социализации». Здесь Зомбарт поучает нас о том, что социализация наступает именно при существовании капитализма.

Прежде всего Зомбарт дает нам определение «социализации».

«В общем это слово, – пишет Зомбарт, – как вполне правильно определила его комиссия по социализации, обозначает: движение в направлении к народному хозяйству, которое планомерно контролируется и ведется в интересах всего народа».

Когда говорят о социализации, имеют обыкновенно в виду частичную социализацию. Но она «более распространена, чем обычно думают. И лишь немногие знают, что с давних пор мы находимся в процессе социализации. Каждое постановление об общественном контроле какого-нибудь хозяйственного явления есть уже акт социализации, так как оно обозначает хотя бы и небольшой шаг на пути к превращению хозяйства, ведущегося на основании натуралистических принципов, в соответствии с идеями либерализма, в нормативно-регулируемое хозяйство».

Поэтому в социализацию включаются:

1) В области потребления «всякий общественный надзор над продажей товаров, контроль над продуктами питания и потребления, запрещение алкоголя, запрещение курения» (таким образом, в Пруссии социализация началась со знаменитого запрещения курить на Унтер ден Линден¹³. – А. Т.).

2) Социализация в области распределения: «... распределение квартир, пайки при выдаче товаров, твердые цены, налоги с социальными целями, огосударствление горного дела, принудительное государственное страхование и т. д.».

3) Социализация производства: введение фабзавкомов, фабричная инспекция, законы о защите рабочих, рациональное распределение сырья, огосударствление предприятий, гильдии, принудительные синдикаты, создание так называемых смешанных обществ.

«Эти общества, – заканчивает Зомбарт, – представляют собой тип хозяйственной организации с большим будущим».

Как видит читатель, вся суть здесь в подмене государства, находящегося в руках капиталистов, государством, находящимся в руках рабочего класса, в подмене государственного социализма государственным капитализмом. Коль скоро в Германии бюрократия реформистских профессиональных союзов вполне серьезно одурачивает такой болтовней рабочие массы, почему же стесняться здесь г-ну Зомбарту? Русским читателям нет необходимости разъяснять разницу между государством, в котором у власти находятся капиталисты, и государством, находящимся в руках пролетариата.

Теперь мы предоставляем Зомбарта вниманию русских читателей для изучения буржуазной политической экономии XX столетия в Германии, – стране, давшей Маркса и Энгельса.

Зомбарт играл значительную роль не только в общественной жизни Германии, но и далеко за ее пределами. Влияние его распространялось не на одну только буржуазию, но довольно сильно сказалось и на реформистском рабочем движении. Именно в том-то и заключалась роль Зомбарта, чтобы под маской особенного беспристрастия по отношению к марксизму влиять на рабочее движение в благоприятном для буржуазии смысле. Нельзя отрицать, что благодаря историческим обстоятельствам, это удалось ему в значительной степени.

¹³ Главная улица в Берлине.

Многие из сочинений Зомбарта – ввиду гонений на революционно-марксистскую литературу – нашли широкое легальное распространение в дореволюционной России. Здесь Зомбарт приобрел себе репутацию «передового» буржуазного экономиста, более или менее близко стоящего к марксизму. И эта совершенно незаслуженная репутация продолжает оставаться за ним и по сей день.

Ввиду всех этих обстоятельств, мы считаем необходимым ознакомить русских читателей с современным Зомбартом, чтобы они сами могли убедиться насколько справедлива эта репутация, и по первоисточникам изучить, каким образом буржуазия через Зомбарта влияла на рабочее движение. Серьезного и влиятельного врага следует внимательно изучать.

А. Тальгеймер

Введение

Понятие о хозяйственном строе и его виды

Вопрос о сущности и принципах строя, господствующего в хозяйственной жизни, стоит в центре задач экономических наук. Это вытекает непосредственно из природы предмета этих наук – хозяйственной жизни. Она составляет часть культурного существования человека, или, определяя точнее, общественного существования человека. Она охватывает все те явления, которые порождаются заботой человека о поддержке существования.

Обобщая, *заботой о поддержке существования* мы можем назвать все виды деятельности, которую должно проявить каждое живое существо для того, чтобы добыть себе необходимые для восполнения своего индивидуального существования продукты природы.

Мы называем заботу о поддержке существования, проявляемую человеком, добыванием вещественных благ, или хозяйством. Она составляет содержание хозяйственной жизни и, как деятельность разумного существа, включает следующие составные части:

1. *Осмысленность*. Хозяйственная деятельность, как всякая человеческая деятельность, относится к категории целесообразности. Мы понимаем хозяйственную деятельность, как выявление разумной воли; хозяйственные построения, – как установления разумного отношения (как бы оно ни было «иррационально» в объективной оценке). *Содержание всей доказуемой осмысленности* в хозяйственной деятельности я называю *хозяйственным смыслом* или *духом* хозяйственной жизни. Он становится душой субъективных целепоставлений и максимумов, которыми руководствуются отдельные хозяйственные субъекты.

2. Всякая хозяйственная деятельность есть «воздействующая» деятельность и, так как человек соответственно своей природе живет в обществе, она является деятельностью в среде многих людей. Но как только разумная деятельность протекает среди многих людей, то лежащий в ее основании (субъективный) план требует объективирования, благодаря которому только он и становится руководящим для многих. Объективированный же план мы называем порядком. *Упорядоченность* есть, поэтому, вторая составная часть хозяйствования. Мы можем обозначить ее как *форму* хозяйственной жизни.

3. Так как в хозяйстве вопрос идет о создании вещественных благ, то человек должен применить средства к преобразованию предметов внешней природы соответственно своей потребности. Это средство или этот прием мы называем *техникой*. Она составляет как бы *материю* хозяйственного процесса.

Например, бумагопрядение есть процесс, предшествующий хозяйственной жизни. К нему относятся: цель, намеченная хозяйственным субъектом; максимумы, определяющие его условия; является ли целью денежный доход, или удовлетворение потребностей; поставлено ли предприятие рационально или традиционно и т. д. Далее, к нему относятся сношения с рабочими и заказчиками, которые осуществляются согласно с правилами, вытекающими из порядка, установленного для хозяйственного субъекта. К нему же относится и весь процесс самого бумагопрядения: приготовление сырья, обработка сырья машинами или посредством ручных приспособлений, упаковка и отправка готового продукта и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.